

Лев и Феликс спорят о Павке

Комментарий к одной не чисто литературной полемике

Разорвавшейся вакуумной бомбой оказалась статья Льва Аннинского в журнале «Столица» под странным для верующего человека названием «Евангелие от Николая». Думаю, что и атеиста должно покоробить сравнение Николая Островского с евангелистами, а Павки Корчагина — с Христом.

Достойный ответ был дан Феликсом Световым уже через два номера. В статье «А был ли классик?» он пишет: «Я перечитывал опус Л. Аннинского, несколько раз пытаюсь понять — что все это такое? Может быть, розыгрыш, пародия, сарказм — над кем, над чем, над собственным творчеством, своими давними работами? Потом стал вспоминать, что стиль и метод, и весь набор этой бессмыслицы, вымученной, выдуманной, не имеющей никакого отношения ни к литературе, ни к жизни; все эти парадоксы, которые почему-то принято считать «блестящими», а по существу совсем пустые, и раньше пестрели на страницах многочисленных работ плодovitого критика, он всегда так писал, выстраивал себе некую мишень, взвинчивал себя, доводил пафос до кипения и парил, парил. Почему же раньше не приходило в голову, с кем и с чем мы имеем дело?»

Думаю, эти суждения справедливы не по отношению к Л. Аннинскому, а к той литературе «соц» и «сов» реализма, которую защищает наш талантливый критик.

Когда-то Ф. М. Достоевский проронил фразу, что цель всей русской литературы — создание образа «положительного» героя. Правда, великий страдалец имел в виду Христа, а отнюдь не Павку Корчагина. И вот мы «дозрели» до знака тождества между Богом и бесом. Ибо разве не бес вселился в наших соотечественников, красных и белых, яростно рубающих шашками друг друга.

Никто не имеет права выносить приговор целым поколениям, но кто сказал, что лицо революционного поколения — это западающий лик Корчагина, а не улыбка кроткого Ларискина из «Дней Турбиных» Михаила Булгакова.

Да и что значит современник. Есть грешники, есть мученики и святые, есть просто люди, кста-ти, их, простых, большинство. Они ведь не приняли белый и красный террор. Россия не проголосовала за большевиков, но и белые генералы не получили поддержку народа.

Большинство не всегда право. Гитлер, например, пришел к вла-

сти вполне законно, избранный большинством голосов. Но в России такого не было.

Красный фанатизм был отвергнут населением и в 1918-м на выборах в учредительное собрание, и в 1991-м, когда впервые после многих лет диктатуры народ смог сказать свое нет идеологическому террору.

Лев Аннинский считает, что Корчагин «верил», и это-де возвышает его над нынешним скептическим поколением. Но вера в земных кумиров и даже в Бога сама по себе не делает человека лучше или хуже других. Об этом говорил еще Христос: «Вы веруете — и бесы веруют и трепещут».

Павел Корчагин движим великой идеей. Ну и что?! Раскольников тоже воодушевлен идеей зарубить старушку. Что нам до того, что это не просто топор и не просто сабля, а идейный топор и сабля идейная.

Здесь дело не в том, что вера Корчагина оказалась кровавым блефом. Еще хуже, если бы она стала реальностью. Пусть бы даже построили социализм на крови расстрелянных детей и зарубленных стариков. Ведь удалось же Сталину создать Москву 37-го года — оазис благополучия и процветания посреди голодной страны. Разве об этом речь! Победили бы белые, был бы и у них свой «Корчагин». Хорошо сказал киевский поэт Александр Чернов про таких героев:

«Я всех людей люблю,
Ради них, кого хочешь убью».

Героев, подобных Корчагину, пруд пруди в романах Платонова; но там они занимают подобающее им место среди кровавых протачков и честных безумцев.

Положительный герой Достоевского — это «Христос сегодня» князь Мышкин. Думаю, что на наш и на следующий век этого более чем достаточно.

Андрей Сахаров на трибуне ревущего Съезда очередных Советов так похож на князя Мышкина, проповедующего в салоне генерала Епанчина. Что-то домашнее было в этой сгорбленной фигурке, говорящей от лица людей, а не всяких там народов, классов и государств.

Русская литература давным-давно совершила свой выбор между человеком и государством, человеком и идеологией в пользу человека. Человек же, по словам Достоевского, есть «величайшая тайна». Поэтому так недолговечно оказались литературные герои вчерашних дней, и не сокрушайтесь о нынешнем

поколении, которое-де «ни во что не верит». Слава Богу, оно в тысячу раз сложнее одномерных героев соцреализма. Его не так легко спровоцировать на братоубийственную резню.

Да и не пора ли нам вспомнить мудрого яснополянского старца. Лев Толстой сам был храбрым офицером. Участвовал в обороне Севастополя. Но одно твердое убеждение вынес он из своего военного опыта. Героиизм — это далеко не безвредная ложь. Я не утверждаю, что Толстой здесь абсолютно прав. Подвиги, конечно, совершаются, и герои бывают, но какой-то дьявольской гордыней веет от самого понятия «литературный герой».

«Не сотвори себе кумира» — гласит одна из десяти заповедей. Мы же с таким остервенением их творили, что теперь при одном слове «герой» испуганно вздрагиваешь и закрываешь лицо руками.

Так и вспоминается диалог из «Леса» совсем другого Островского:

— Вы героиня!
— Какая героиня? Просто блажит.

Нагим и беспомощным приходит человек в этот мир и таким же его покидает. Не только отзвеневшая эпоха социализма, но, пожалуй, и все мировые цивилизации рано или поздно завершают свой путь у разбитого корыта. Так было с Древним Римом и с Киевской Русью, а мы чем лучше?

Нет ничего особенного в нашем нынешнем времени, которое мы слишком самоуверенно называем апокалиптическим и трагичным.

Просто Россия, как царевна-лягушка, в очередной раз меняет кожу. Отпадает шелуха, отмирает сиюминутная ложь, сходит ороговение совести, и остается все тот же человек среди пепелища голый и беззащитный, как всегда в изумлении восклицаящий: это я, Господи! А что еще может литература, кроме этого восклицания?

Андрей Синявский справедливо заметил в своей блистательной книге «Прогулки с Пушкиным». Принято считать, что литература может воспитывать, исправлять, вести. Она, конечно, все может, да только в последний момент свернет и поминай как звали.

У нее, у литературы, свои тайные цели. Своя тайна. И эту тайну о человеке она доверит далеко не каждому критику и читателю, а только достойному.

Константин КЕДРОВ.

Кедров К.

ИЗВЕСТИЯ
г. Москва

27 АПК 1991